

Разговор психолога с родителями.

Р: - Так все-таки: наказывать или не наказывать?

П: - Не наказывать никогда, ни в какой форме, ни за какие прегрешения. Как бы велики они ни были.

Р: - А если не хочет садиться за уроки? Не заставлять?

П: - Заставлять, но это не то же, что наказывать. Надо понять для себя разницу между тем и другим.

Принуждение, в отличие от наказания, направлено на изменение ситуации по существу. Наказание - это способ уколоть детское самолюбие, «наступит на хвост» сиюминутным интересам. Родитель говорит:

«Если сейчас же не сядешь за уроки, оставлю без телевизора на неделю». Сегодняшние уроки никак не связаны с завтрашним телевизором. Родитель хочет сделать ребенку плохо, рассчитывая (иногда безотчетно), что в следующий раз, когда ребенок начнет лениться, он вспомнит, как было плохо без телевизора и это придаст ему учебного энтузиазма.

Р: - Интересно, как же принуждение, может не ущемлять детского самолюбия?

П: - Принуждение, может, и обижает детей, но это происходит не целенаправленно, в отличие от случаев наказания.

Р: - Как ребенок может это понять? Не слишком ли тонкое различие?

П: - Родитель, который принуждает, но не имеет в виду наказывать, старается всячески успокоить ребенка, выразить свое сочувствие: «Миша, мне очень жаль, но сейчас точно надо выключить телевизор и сесть за уроки».

Р: - Но это же не более чем слова.

П: - Вы правы. Поэтому, чтобы ребенок почувствовал разницу, это должно быть не просто словами, а правдой. То есть дети должны видеть, что родителям действительно их жаль.

Р: - Дети плохо умеют читать мысли. Как ребенок может увидеть сочувствие, когда родитель заставляет его делать что-то неприятное?

П: - Во-первых, дети как раз хорошо умеют — ну, не мысли читать, но чувствовать настрой родителя. Если родитель действительно сопереживает ребенку, который должен оторваться от своего удовольствия, дети это замечают. Во-вторых, есть конкретные родительские слова и поступки, которые могут ребенку в этом помочь. Они обобщенно называются «присоединением». Обычно мать кричит из кухни: «Сколько тебе повторять? Я не могу двадцать раз греть еду!» Или: «Немедленно собирай кубики, я жду тебя в ванной». А присоединение — это когда родитель сначала

подходит к компьютеру, за которым ребенок самозабвенно предается какой-то дурацкой игре, и в течение нескольких минут старается вникнуть: «Сколько очков получает эта фигурка за удачный выстрел? Какой запас жизни у нее остался? А можно ли здесь сделать „Save“ — сохранить игру?». И только после этого говорит: «Все, Мишенька, теперь действительно пора идти». Возможность присоединиться к занятию ребенка есть всегда, даже если это такое занятие, в котором родитель ничего не понимает. Если сын листает журнал, посвященный мотоциклам, мать может сказать (и лучше — с искренней завистью): «Жаль, что я ничего в этом не смыслю. Чем эта модель лучше той?» И если она позовет его обедать после такого трехминутного диалога, ситуация будет совсем другой.

Р: - Звучит красиво, но несколько нежизненно. Обычно мать кричит из кухни не оттого, что у нее плохой характер, а именно потому, что нет времени и сил выйти оттуда и включиться в воспитательный процесс.

П: - Конечно, чаще всего так и бывает. В таких ситуациях ребенку кажется, что «кухонная» мать с ним не считается, и он начинает и со своей стороны не считаться с ней — не сознательно, не цинично, а безотчетно, просто усвоив предложенный ему характер отношений. Это проявляется сразу в том, что он не отзывается на отчаянные призывы матери. Несчастному родителю кажется, что поведение ребенка «просто хамство». На самом деле детская безучастность в таких случаях является «отраженным светом». Если родитель действительно понимает эту причинно-следственную связь, если, прежде чем крикнуть: «Марш одеваться!», он вспомнит, чем это откликнется, тогда найдутся и силы и время, чтобы сначала сосредоточиться на сиюминутном занятии ребенка.

Р: - А если родителю не жаль, что пора выключать этот проклятый компьютер или, например, телевизор?

П: - Речь идет о том, что следует дорожить не этой дурной телепередачей, а чувствами ребенка. Надо вспомнить себя самого ребенком — что я чувствовал, когда меня силой сгоняли со зрительского места?

Р: - И все же: если не наказывать, то как же реагировать на проступки? На двойки, на вранье?

П: - Сочувствовать. Двойка для ребенка — во всех случаях удар. Если внешне этого не видно — значит, мы наблюдаем не истинную позицию ребенка, а его защитную позу. Если дома ребенок говорит о двойке равнодушно или цинично — это означает, что он по дороге домой успел привычно надеть маску равнодушия. Он по опыту знает, что дома быть откровенным небезопасно. Он не может сказать: «Как я расстроен этой двойкой», потому что боится услышать в ответ: «А на что же ты рассчитывал! Разве тебя не предупреждали? Нельзя весь вечер гонять в футбол, а завтра написать контрольную на пятерку». Это все правда, но это слышать больно. Поэтому он привычно скрывает свои переживания. Причем привычка со временем становится такой сильной, что он уже сам не различает своих истинных переживаний и

начинает искренне считать, что учеба — дело не важное.

Р: - Простые житейские наблюдения плохо согласуются с этими рассуждениями. Можно видеть сколько угодно детей, которые ведут себя по-разному плохо, но при этом вовсе не охвачены каким-то «горьким переживанием».

П: - Так не бывает. Просто эти переживания скрыты от нашего взгляда. В этом и состоит психологическая защита. Дети, чувствуя себя недостаточно хорошими, стараются заменить отрицательные переживания положительными. У них обостряется стремление доставить

себе удовольствие любым способом, «здесь и сейчас»: телевизором, бесконечными компьютерными играми, капризным настаиванием на бессмысленной покупке. Конечно, это реакция бессознательная. Дети не в состоянии объяснить себе ни ее происхождение, ни ее цели. Они просто испытывают смутное неудовлетворение, тоску, непризнанность и стараются заглушить эти чувства. Чем больше говорить такому ребенку: «Посмотри, к чему приводит твое разгильдяйство!», тем более плохим он будет себя чувствовать и тем больше будет стараться «утешиться». Здесь же часто кроются причины плохой успеваемости, которые обывательски приписываются лени. Нет такого научного понятия, как лень. Лень — это защитная реакция, которая выражается в избегании отрицательных переживаний при дефиците положительных.

Р: - И все же, если родитель действительно начнет сочувствовать ребенку по поводу двойки, это получится как-то ненатурально. Даже для самого ребенка это будет неестественно.

П: - Для того чтобы избежать такого негативного эффекта, правильно будет исходить из следующего понимания: как бы ребенок ни провинился, что бы плохого он ни сделал — это не он плохой, это ему плохо. Надо сказать, что дети усматривают в словах взрослого указание на свою "неправильность" в гораздо большем количестве случаев, чем можно предположить. Даже в тех, когда родитель точно не вкладывает в свою реакцию ничего назидательного. Что говорят нормальные, доброжелательные родители маленькому ребенку, который ушиб коленку и плачет?

Р: - Ну, что — не плачь, пройдет, дай подую...

П.- Верно. Казалось бы, что плохого в таком тексте? Но давайте подумаем: как это «не плачь»? Ведь больно! Получается, что чувства ребенка объявляются какими-то неуместными. «Правильный» человек (папа, мама) на его месте сейчас не плакал бы.

Р: - А что же говорить?

П: - Необходимо то самое присоединение. Показать, что я, родитель, разделяю его переживания. «Как это больно, это такое болезненное место! Как нам не повезло!». Тут конкретные выражения не так важны, каждый родитель скажет это

естественными для него словами.

Р: - Нетрудно посочувствовать малышу по поводу ушибленной коленки. Но возьмем такую ситуацию. Старшеклассник позвонил домой из школы, сказав, что выходит домой, а пришел в девять вечера, ни разу не позвонив. Тоже сочувствовать?

П:- Вы не уточнили — он приходит и рассыпается в извинениях или хамски говорит: «А что такого? Я что, не имею права пойти к другу в гости?»»

Р: - Возьмем второй случай.

П:- Конечно, сочувствовать.

Р: - Чему же?

П: - Но ведь если он не приносит извинений, значит, он боится, что их не примут.

Р: - И правильно боится. В конце концов, кто кому сделал плохо?

П: - Он сделал плохо родителям. И для того чтобы этого не повторялось, надо, чтобы он не боялся в этом признаться и раскаяться.

Р: - Но велик риск, что, если такой подросток не столкнется с маминой реакцией, он так и останется безразличным к ней.

П: - Это заблуждение. Для того чтобы ребенок считался со страданием родителя, необходимо, чтобы это страдание было ему заметно. Когда же мы ругаем наших детей за страдания, которые они нам причинили, то они за упреками просто не видят наших переживаний. Поэтому лучше всего опоздавшему сыну было бы услышать: «Какое счастье, что ты пришел! Я чуть не умерла от страха, пока ждала тебя». Если сын привыкнет к такой маминой реакции, он с большой вероятностью начнет действительно считаться с ней и звонить из каждого телефонного автомата.

Р: - Вы описываете реакции каких-то сверхлюдей. Обычная «смертная» мать, скорее всего, не сможет в такой ситуации выжать из себя что-либо дружелюбное.

П: - Точно не сможет. Сразу. А вот со временем сможет. Это гораздо менее трудно, чем кажется. Важно только не бояться собственной родительской неправильности. Даже самые правильные из нас бывают непоследовательны, срываются и срывают на детях свои эмоциональные проблемы. Но раз мы договорились, что это не ребенок плохой, а ребенку плохо, то будет правильно постараться сделать по-другому.

